

Евгений Митаев

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТУЛПАРЧИК НА КОЛЁСАХ

Если прийти в детский парк ранним утром, когда дворники уже ушли, а посетители ещё не появились, то запросто можно встретиться с удивительным. Например, нос к носу столкнуться с бронзовым слоном Федей, который когда-то давно стоял здесь и радовал не одно поколение ребятишек. Узнав, что его собираются отправить на переплавку, слон обиделся и ушёл в параллельный мир, где живут сказки. Иногда он возвращается оттуда, чтобы побродить по родным местам. Вдоволь нагулявшись и протрубив зарю, Федя тает, поблёскивая в утренних лучах.

Про жар-птицу я уж и не говорю. Её здесь многие видели. Не раз и не два. Особенно по праздникам. Правда, её часто путают с павлином, фазаном, а то и просто с петухом. Ну да мы-то с вами знаем, что это не так.

Нынешним июльским утром я пришёл в парк с книгой. Сел на любимую скамейку и стал ждать. Увы, ничего чудесного пока не происходило. Но, как известно, сказки являются к нам неожиданно, когда их уже и не ждёшь. Так случилось и сейчас. Я увлёкся чтением, когда совсем рядом раздался голос. Да и не голос во все, а скорее голосок. И не раздался, пожалуй, а прозвенел:

– Что это, интересно, вы читаете?

Я посмотрел на говорящего в надежде увидеть гномика, эльфа или, на худой случай, парковичка. Так прозываются лешие, перебравшиеся сюда на жительство из соседнего бора. Но передо мной стоял обычный мальчуган в футболке и синих джинсах. В руках он держал коробку из-под ботинок. Хотя, что значит обычный? Обычных детей не бывает в природе. Они все, как один, необыкновенные. Вот со взрослыми совсем по-другому.

Мой собеседник буравил меня напряжённым взглядом, нетерпеливо ожидая ответа. Словно от этого зависело что-то очень важное.

– Я читаю Андерсена.

– Ганса Христиана? – уточнил мальчуган.

– Его самого.

Уф-ф, у обладателя картонной коробки, кажется, отлегло от сердца. Он расслабился и доверительно улыбнулся, обнаружив симпатичные ямочки на щеках.

– Ну, тогда вы нормальный человек и обязательно меня поймёте. Во-первых, меня зовут Талгат. Во-вторых, мы переезжаем в Алма-Ату.

– Красивый город, – мечтательно произнёс я. – Цветы, сады, горы... Один Медео чего стоит. Люблю туда приезжать. Тебе крупно повезло.

– Дело в том, что они... – Талгат внезапно насупился. – Они не разрешают мне взять с собою моего Тулпарчика.

«Они» – это, видимо, родители, смекнул я и, в свою очередь, задал вопрос мальчику:

– А Тулпар... э-э-э... Так зовут твою лошадку?

– Нет, – замотал головой Талгат. – Я нашёл его в сарае. С ним, наверное, дружил ещё мой прадедушка.

С этими словами мальчик раскрыл коробку, и передо мной предстал грузовичок. Слегка помятый и с пятнышками ржавчины на боках. Но в общем довольно крепкий. Эх, умели в прежние времена делать прочные вещи. Когда хотели.

– Ну как? – с надеждой в голосе спросил Талгат.

– Прекрасно, просто суперзамечательно! А ты не пробовал отдать его в краеведческий музей? Там бы о нём заботились, смахивали пыль каждый день.

Талгат поморщился.

– Среди чучел и фотографий моему Тулпару будет скучно. Ему нужно живое общение. Я отдам его только в хорошие надёжные руки. Например, в ваши.

Я посмотрел на свои ладони, зачем-то сжал пальцы в кулак и разжал. Синичка на ближайшей берёзовой ветке громко затенькала, будто посмеиваясь надо мной. Зато Талгат, кажется, остался доволен.

– Вижу, что вы мне подходите. Смело забирайте Тулпарчика и не смущайтесь. Не отказывайтесь от своего счастья. Он вам понравится, вот увидите. Тулпарчик умеет возить тапочки и конфеты. А бутылки и сигареты терпеть не может. Надо только, чтобы он к вам привык. Поводите его пару деньков на крепкой ниточке, и всё будет в порядке. У меня, кстати, есть с собой моток. Нитки прочные, капроновые. Акулу выдержат. Да, и ещё вот что. Тулпар – большой любитель заезжать в лужи. Не успел отучить его от этой вредной привычки. Может, он вас послушает.

Я представил себя гуляющим по городу со старым грузовичком на ниточке и невольно хмыкнул. Что обо мне люди скажут? Последнюю фразу я нечаянно произнёс вслух.

Талгат как-то сразу опустил голову и засопел:

– Я думал – вы нормальный человек. А вы, как они... Как все.

– Нет, ты меня не понял. Я просто слишком громко подумал. Но... как бы тебе всё объяснить...

– Да всё я понял. Поехали, Тулпарчик.

Он приземлил грузовичок. И гордо пошёл от меня прочь. Прямо в пугающую неизвестность. Получилось, что я не оправдал его надежд. А это всё равно, как обмануть. Жутко неприятное чувство. Словно по колено завяз в заколдованном протухшем болоте. Надо поскорее из него выбираться.

Талгат уходил всё дальше и дальше. А грузовичок вдруг сорвался с места и заторопился вслед за хозяином, подпрыгивая на бугорках и рытвинках. Он даже не заехал в великолепную лужицу, оставшуюся после вчерашнего дождя. Я понял – Тулпар не хотел оставаться один. Такое случается с людьми, верными собаками и любимыми игрушками.

– Талгат, погоди! – крикнул я мальчику вослед. – Нельзя же так. Ты должен дать мне шанс.

Талгат остановился и обернулся. В ту же секунду грузовичок ткнулся ему в ноги. Юный джигит бережно положил его в коробку.

– Всё отлично! Я ошибся, извините. Вы совсем-совсем нормальный. А Тулпар... он меня проверял... Что-нибудь придумаем. Я его никогда не брошу. Ни за что.

И он помахал мне на прощание рукой.

А я отправился в магазин игрушек и выбрал там грузовичок с прицепом. Когда мы привыкнем друг к другу, то сразу же отправимся с ним покупать книги. В кузов да ещё в прицеп войдёт немало томиков с картинками и без. И ещё я обязательно познакомлю свой грузовичок со слоном Федей. Они друг другу понравятся. Это совершенно точно.

ВСЕГО ЛИШЬ ОДНА ВОЛНА

На горячем берегу огромного моря стоит серьёзный мальчик. В руках у него – пустая бутылка из-под лимонада. Море дышит на мальчика лёгким бризом. Выгоревшие на солнце волосы смешно топорщатся. А ноги его по самую щиколотку утопают во влажном песке.

– Эй, не заходи в воду. Там глубоко. Попадёшь в гости к Нептуну, что я тогда папе скажу?

Это мама Наташа, красивая мама Наташа. Лежит себе на оранжево-чёрном надувном матрасе и делает вид, будто читает журнал, где на картинках разнообразные дамы гуляют в модных платьях. Но мальчика не проведёшь. Он точно знает, что пасёт его мама, как сестрица Алёнушка братца Иванушку. И нет никакой возможности достать вон ту пёструю ракушку, прикорнувшую среди пушистых водорослей. Ну и не надо, ну и ладно. Больно нужна ему какая-то там ракушка. Есть дела поважнее.

Мальчик опускается на колени и тихо просит:

– Море, а море, подари мне волну, пожалуйста. Я отнесу её домой, отдам Шурику и получу взамен сержантский погон. Всамделишный! Погон этот зелёный, потому что пограничный. Шуриков брат на границе служил. Море, ты не думай, Шурик – не жадина-говядина-солёный огурец. Просто он никогда тебя не видел. Только в кино или по телевизору. Почему же не сделать другу приятное. Ведь правда?

Мальчик протягивает руки к воде, и бутылка едва не выскальзывает из его пальцев.

– Так мы не договаривались. Не шали. А то мы с мамой в тебе купаться не будем.

Морю становится стыдно. Оно виновато рокошет и выбирает маленькую волну с белой шапочкой пены. Волна разгоняется изо всех сил, встаёт на дыбы и ныряет точнёхонько в бутылочное горлышко.

– Ура! Поймал!

Мальчик стремглав бежит к маме Наташе, красивой маме Наташе.

– Спасибо, море!

Что такое! Упругая синяя волна, оказавшись взаперти, превращается в неинтересную воду. Там ещё медленно кружатся какие-то крошки и песчинки. Но и они постепенно оседают на дно.

«Ясненько-понятненько, – догадывается мальчик. – Волне без моря нельзя. Придётся Шурику отдать мне пограничный погон просто так. Ну да ничего. У него ведь другой останется».

Мальчик глядит на уснувшую воду, потом – на чёткую линию горизонта. И вдруг опрокидывает бутылку прямо над мамой Наташей, красивой мамой Наташей.

Мамины лопатки дёргаются, она звонко вскрикивает и оказывается на ногах.

«Хорошо я поступил или нет?» – думает мальчик.

По маминым глазам выходит, что не очень. Но она всё равно хохочет.

– Пожалуй, ты прав. Надо бы окунуться.

И она идёт к морю.

Со сверкающей волной на плечах.

СКАЗКА О ТРЁХ ОДУВАНЧИКАХ

Около грядки с помидорами росли три одуванчика. Им очень хотелось путешествовать. Высоко в небе пролетали птицы. Хорошо, у них крылья. Рядом прогуливались кошки. Хорошо, у них лапки. Даже червяк, и тот мог ползти, куда захочет. Обидно, братцы!

Одуванчики взмахивали листиками, вытягивали головки. Но, увы, не взлетали. Тогда просыпались помидоры и начинали ворчать:

– Покоя от вас нет. Вода, свет, тепло. Чего ещё надо? Смотри себе приятные сны и поспевай на здоровье.

Сначала цветы тоже пробовали спать, но у них ничего не получалось. Да и посудите сами, разве можно дремать, когда вокруг такое весёлое солнце, такое голубое небо!

И они мечтали.

– Как мне не повезло с соседями, – сокрушался первый одуванчик, – ни поговорить с ними, ни посмеяться. Эти помидоры только себя и любят. Эх, если бы я вырос рядышком с весёлыми огурчиками! Они наверняка приняли бы меня в свою компанию.

– Да, скучно здесь. – сокрушался второй одуванчик, – И наступить могут. Нет, я бы хотел переселиться в голубую вазочку, что стоит на окошке. Не очень высокое место, но всё-таки лучше этого сонного огорода. К тому же красиво.

А третий одуванчик молчал. Ведь он был совсем маленький, а мечта его – такая большая. И цветок боялся, как бы она не вылетела из его золотистой головки.

«Не может быть, – думал он, – чтобы весь мир состоял из одного только огорода. Улетают же через забор бабочки. Но куда?»

Однажды к грядке подошла хозяйка и сорвала два цветка.

Третий рос под листочком, и его не заметили. С маленькими такое часто бывает.

По дороге один одуванчик выскользнул из хозяйкиных рук и упал прямо в огуречную лунку.

– Вот здорово! – закричали огурчики. – У нас новый товарищ!

Так сбылась мечта первого одуванчика.

А второй цветок поставили в голубую вазочку на окошке. И он был счастлив. Третий цветок остался один-одинёшенек. Скоро стебелёк его похудел, а головка стала белой и пышной.

Как-то раз в огород прилетела сорока и уселась на подсолнух.

– Скажи мне, что там, за забором? – спросил её одуванчик.

– Там стр-р-рашно интересно, – прострекотала сорока, – ср-р-разу и не р-рас-скажешь.

– Ах, пёстрая птица, подними меня, пожалуйста. Ну хоть немножко. Я так хочу посмотреть, каков он, мир.

Сорока взяла одуванчик в клюв и взлетела так высоко, как только могла. Огород, лес, город – всё это осталось далеко внизу. Вокруг было только небо. Небо и солнце – яркое, горячее, огромное!

Вдруг подул ветерок, и головка одуванчика рассыпалась на множество маленьких парашютиков. На конце каждого сидело малюсенькое семечко.

В поле, в бору, в парке – везде, где опустились парашютики, выросли новые цветы с золотистыми головками.

Как вы думаете, кому из одуванчиков повезло больше всего?

ВПЕРЁД, ЗА ИМПЕРАТОРА!

1

Вертится вокруг звезды планета. Поворачивается к ласковым лучам то одной, то другой стороной. Словно девушка перед зеркалом. Всего на той планете много – морей, лесов, гор. И ни одной пустыни. Небо здесь яркое, птицы звонкие. Яблочко, а не планета!

Но что это клубится там, на горизонте? Может, слоны кочевать решили или медведи пляску устроили? Нет, то длинным серым червяком ползёт по равнине войско. Гулко стучат копытами лошади, мотают запылёнными гривами. Покачиваются в сёдлах разомлевшие от жары кавалеристы. Носами клюют, но поводьев из рук не выпускают.

Кони-тяжеловозы тащат пушки. Стволы у тех пушек длинные, жерла хищные. Того и гляди – выстрелят в белый свет.

Следом шагает пехота. Бравые солдаты осунулись, строевых песен не поют. И каждому надоевшее ружьё подальше закинуть хочется.

Идёт армия по чисту полю, оставляя за собой широкую утоптанную дорогу. День идёт, два, десять... Наконец генерал решает созвать военный совет. Вечером собрались в штабной палатке полковники-тактики, майоры-храбрецы и капитаны-орлы. А лейтенанты-молодчики остались за войском присматривать. И то дело – какая же армия без порядка.

Вышел перед офицерами сам генерал-стратег в белом парадном кителе. Золотыми эполетами посверкивает, орденами позвякивает. Словом – гроза врагу, отец солдатам. Передал адъютанту недокуренную сигару, стукнул себя кулаком в грудь, кашлянул в седые усы и начал речь:

– Сынки! Много военных дорог исходил я с вами во славу нашего любимого императора – радетеля свободы и справедливости. Сколько держав покорили – на картах не умещается. И вот сейчас, когда незавоёванной осталась всего одна

малюсенькая страна, моя доблестная армия терпит поражение. Да, поражение, я вовсе не оговорился. Ведь если нет войны, то нет и победы. Значит, никогда мне не стать маршалом. А я так мечтал об этом.

И старый вояка захлопал носом, будто мальчуган, у которого отобрали любимую конфету.

Начальник разведки, похожий на худую облезлую крысу, тут же подал командующему стакан воды и вытащил из секретного кармана столь же секретный блокнот в чёрной обложке.

– Мой генерал, – сказал он. – Лучшие слухачи, нюхачи и зыркачи нашей непобедимой армии облазили всё вокруг. С начала похода ими обнаружено: пятнадцать зайцев, двадцать две сороки, четыре суслика, одна мышь полёвка и сто пятьдесят неустановленных мелких пичуг.

– А следы неприятеля вам попадались? – зашумели офицеры.

– Увы, – беспомощно развёл руками начальник разведки. – Наверное, это очень хитроумный противник.

Генерал вытер батистовым платочком вспотевшую лысину и предоставил слово командиру лучшего в армии полка. Солдаты прозвали его крокодиллом – настолько тот был свиреп и толстокож.

– В капусту их порубить! – бодро начал полковник и сделался похожим больше не на крокодила, а на разъярённого индюка. – За императора – вперёд! Всех победим! Всё отберём!

Ему горячо похлопали. Хотя ничего полезного из этой тирады извлечь было нельзя. И рады были бы всех победить, да некого. Потому офицеры лишь морщили лбы и молчали.

Наконец один майор-храбрец (он ещё недавно был профессором астрономии и не успел полностью оболваниться) спросил, слегка запинаясь от волнения:

– Можно мне сказать? Видите ли, господа, у меня есть одна догадка.

– Ну?! – закричали все, повскакав с мест.

– Гм, помните, как пару недель назад нас застигла жуткая гроза?

– Ну-у-у?! – опять закричали все.

– Когда наступила ночь и тучи рассеялись, я посмотрел на небо.

– Ну-у-у-у-у? – прошептали все хором, ибо кричать уже не могли. Насколько велико было напряжение нервов.

– В общем, я сделал вывод, что мы не на земле, – выпалил майор.

– Ох-х! – по штабу разнёсся глухой стук, будто кто-то сбрасывал с телеги мешки с песком. Это офицеры плюхались на стулья.

– А где же мы, по-твоему? – недоверчиво пробурчал генерал.

– Не знаю. Видимо, на какой-то другой планете. Я наблюдал на небосводе совершенно незнакомые созвездия. Планета, на которой мы чудесным образом оказались, очень похожа на нашу. Но здесь нет людей. Сами посудите – уже который день на марше, а никого так и не встретили.

Генерал снова промокнул лысину платком и распушил усы.

– Моё решение будет таким. От имени императора, во славу свободы и справедливости я объявляю этой планете войну. Клянусь своими боевыми шрамами, скоро мы присоединим её к нашим владениям. Гип-гип-хо-хо!

– Гип-гип-хо-хо! – дружным рёвом прокатился по палатке боевой клич империи, и офицеры бросились качать генерала.

Наутро войско опять двинулось вперёд по зелёной равнине. Окутанные дымкой горы на горизонте заметно приблизились. Уже можно было различить снежные шапки на их вершинах. Да и идти стало тяжелей. Всё чаще попадались холмы с колючим кустарником, который цеплялся за сапоги, царапал ноги лошадям.

В полдень, когда скалы уже показали армии свои каменные клыки и бивни во всей красе, к генеральской карете подлетел на взмыленном жеребце сам начальник разведки.

– Мой генерал, – захлёбывался он от восторга. – Мы вышли к неприятельской крепости. Там, у склона, видите?

Стараясь казаться невозмутимым, генерал поднёс к глазам подзорную трубу. Действительно, у подножия ближайшей горы белели небольшие каменные ворота. Только ворота и никаких тебе крепостей. Но в тот момент они показались генералу неприступной вражеской цитаделью. Уж очень ему хотелось нюхнуть пороху, услышать свист пуль.

– Готовьтесь к штурму, – приказал он и через минуту махнул рукой.

Заиграли трубы, затрепетали на свежем ветру знамёна, а пушки дали первый залп. Но когда дым от разрывов рассеялся, все увидели, что ворота продолжали стоять, как стояли.

– Ах, так? – рассердился генерал и с досадой переломил об колено свою подзорную трубу. – Я вам сейчас покажу! Все на приступ! Гип-гип-хо-хо!

Обнажив сабли, примкнув к ружьям штыки, войско бросилось в атаку.

Прошёл час, потом другой. А вестей о конце сражения всё не поступало. Давно смолкли выстрелы и разрывы, а ворота белели себе, как ни в чём не бывало. Генерал присел на барабан и задумался.

«Какая жалость, что я сломал подзорную трубу, – рассуждал он. – Теперь вот не могу наблюдать за ходом боя. Ничего. Эта крепость падёт, как пали другие. И тогда Его Императорское Величество наконец присвоит мне маршальское звание и наградит орденом – сотым по счёту. Да куда они все запропастились, в самом-то деле? Придётся, видно, всё разузнать самому».

Он отвязал от колышка сухопарого гнедого и легко, как в молодости, вскочил в седло. Но чем ближе подъезжал он к месту баталии, тем сильнее пронизывал его холодок неуверенности в собственных силах.

«А вдруг я разбит? – волновался генерал. – А что если враг заманил мою армию в ловушку?»

Гнедой остановился и тихонько заржал. Словно пытался обратить внимание своего седока на что-то самое главное. Тот поднял глаза. Широко распахнутые ворота из снежного мрамора высились перед ним. За воротами никого не было видно.

Неожиданно из-за тучки выглянуло солнце, и на зубчатой арке заблестела синяя вязь слов: «У того, кто войдёт сюда, исполнятся все его желания».

Генералу терять было нечего. Он тронул поводья, и верный конь послушно двинулся к воротам.

В первый момент генералу показалось, что ему на плечи плюхнулись два утюга. Он повернул голову направо и обомлел. Новенький маршальский эполет, заворачивая густой бахромой, счастливо покоился на плече. Слева был точно такой же. А на груди оскалил тигриную пасть сотый по счёту орден.

Свежеиспечённый маршал выпятил от важности нижнюю губу и неизвестно кому скомандовал:

– Смир-р-но! Р-р-равнение на меня.

Сиплое карканье было ему ответом.

Маршал развернул гнедого и заметил ворону, сидевшую на бронзовом бюсте. Приглядевшись внимательно, он узнал в скульптуре своего любимца Крокодила. И вспомнил, как тот частенько говаривал в кругу сослуживцев: «Вот бы мне остаться памятником в веках». Глупее не придумаешь.

– Чурбан, – хмыкнул командующий. – Намечтал на свою голову. Вот и торчи теперь на постаменте до окончания времён.

Маршал поездил по окрестностям взад-вперёд, и внезапно его лицо стало мрачнеть. Он всё понял.

– Негодяи, каналы, дезертиры! – завизжал он, брызгая настоящей маршальской слюной. – Захотели домой вернуться, хлеб сеять, дома строить, детей растить! А воевать за вас кто будет?! Погодите, всех под трибунал отдам, так и знайте!

Внезапно ему сделалось по-настоящему страшно. Первый раз в жизни. Он достал из кармана изрядно посеревший платок и смахнул со лба испарину.

– А я? Что теперь со мной будет? Как же мне без войны-то? Все меня покинули. Даже начальник разведки.

Пальцы его дрогнули, смятый платок упал на землю. Пришлось спешиться и лезть за ним в кусты. Как-никак подарок самого императора.

У плоского замшелого валуна, над которым склонился маршал, кипела битва. Целый взвод муравьёв яростно атаковал толстую мохнатую гусеницу.

– Вот это воины! – восхищенно произнёс полководец. – Храбрые, не знающие пощады! Только вот дерутся, как попало. Был бы я у них хотя бы сержантом, мы бы эту гусеницу вмиг одолели по всем правилам военной науки.

Пыль ударила в глаза. Камни сделались громадными. Бывший маршал резво спустился с кустика и устремился к гусенице, выкрикивая на муравьином языке:

– Вперёд! За императора! Гип-гип-хо-хо!

